

Лепестки — самое чувствительное его место.

Янь Цин едва удержал форму. Корни мелко задрожали — ещё чуть-чуть, и он бы выдернулся из земли и дал дёру. Сезон опыления и без того обострил чувствительность до предела, а тут Гэн Ихуай вот так, без предупреждения, — погладил. Все ветви ходили ходуном, но та самая полураскрывшаяся роза тряслась отчаяннее всего, точно вот-вот обронит лепесток.

Гэн Ихуай: «...?»

Успешному господину Гэну попросту не пришли в голову подобные ботанические тонкости. Он решил, что маленький ёкай просто слишком бурно реагирует.

Он провёл пальцами по ярко-алому лепестку розы и, усмехнувшись уголком губ, тихо хмыкнул.

Он давно привык жить по собственным правилам. Те немногие старейшины, которые достаивались с ним встречи, обязаны были предупреждать заранее. Кроме живущего с ним под одной крышей Тао Нина, никто и никогда не осмеливался без разрешения задерживаться поблизости.

А этот малыш-ёкай — ничего не знает и ничего не боится. Взял и вкопал свои жиденькие, лишённые серьёзной демонической силы корни прямо в его сад, предельно заметно «маскируясь» среди прочей зелени.

По принципу «неведение — не вина» — эти испуганно подрагивающие веточки были, пожалуй... довольно милыми.

Только вот Гэн Ихуай не собирался поощрять подобные вольности и решил преподать цветочному ёкаю «урок».

Он протянул длинные сильные пальцы и легонько щёлкнул по бутону с другой стороны.

Ствол розового куста снова резко дёрнулся, но успешный господин Гэн и не думал останавливаться — напротив, «закрепил успех», щёлкнув ещё несколько раз. А затем, словно ему только что взбрело в голову, произнёс низким, бархатистым голосом:

— Цветок, распустившийся зимой... Срезать один и поставить в вазу — было бы неплохо.

В этот самый миг снова налетел холодный ветер. На горизонте небо подёрнулось тёплой позолотой, лучи заходящего солнца хлынули вместе с порывом — а воздух по-прежнему холодил кончики пальцев.

Ветер подоспел как нельзя кстати. Маленький цветочный ёкай, уверенный, что его ещё не

раскусили, воспользовался им как естественным прикрытием: в тот миг, когда налетел порыв, одна ветка — без бутонов и цветов — со всего размаху хлестнула Гэн Ихуая по лбу.

Одного раза оказалось мало. Ёкай, судя по всему, был всерьёз разозлен — и, пока ветер не утих, тут же хлестнул ещё раз.

Правда, шипы он предусмотрительно убрал — не поцарапав кожу Гэн Ихуая ни на волосок.

Гэн Ихуай: «...»

Сколь бы успешен ты ни был — от такой лобовой контратаки не удержишься от мысли: «ну и ребёнок».

Из дома лились плавные звуки фортепиано — неторопливый ритм, исполненный, однако, глубокого чувства: играл явно виртуоз.

Гэн Ихуай бросил взгляд в сторону виллы, затем снова поднял руку и щёлкнул по бутону дерзкого ёкая. Убедившись, что тот мгновенно съёжился в испуганный комок, он наконец неспешно поднялся, стряхнул пыль с брючины и невозмутимо ушёл в дом.

Янь Цин — злой, смущённый и возмущённый одновременно — смотрел вслед Гэн Ихуаю, пока прямая широкоплечая фигура не скрылась из виду. Лишь тогда он расслабился, раскинув ветви в удобной позе.

И что интересного в жизни этого успешного господина Гэна?!

Мало того что бутоны трогал — он ему лепестки гладил! Ещё и цветок сорвать собрался!!!

Впрочем...

Янь Цин заметил, что настроение у него как-то само собой выровнялось.

Может, потому что после всех этих выходов Гэн Ихуая ему стало решительно не до грустных мыслей? Разум прояснился, и Янь Цин наконец трезво оценил своё положение.

Подумаешь — Чжун Фэнхэ не оценил. Не конец света. Рано или поздно найдётся место, где его примут.

Здесь не сложилось — значит, он найдёт другую студию.

Сейчас у него нет денег, и нужно действовать как можно быстрее.

Янь Цин выдернул корни из земли в саду Гэн Ихуая, огляделся по сторонам и на бешеной скорости вонзился в менее густую зелёную полосу поодаль — мгновенно исчезнув из сада.

Гэн Ихуай наблюдал у окна за удаляющимся маленьким розовым кустом. Тао Нин опустил пальцы на последний аккорд, мелодия стихла, и в пустом пространстве виллы повис тихий отзвук.

— Я, между прочим, всё видел, — Тао Нин, щурясь, с улыбкой смотрел на него. — Цветочный ёкай с совершенно мизерным уровнем, нагло пускает корни на твоей территории — а ты всего лишь поиграл с ним?

Гэн Ихуай проигнорировал его и занялся приготовлением кофе.

— Эй-эй-эй, а мне? Я наигрался до голода.

— Ты всегда голодный.

— Ну так сделай мне тоже чашечку.

— Сам. — Загудела кофемашина, и по комнате поплыл мягкий кофейный аромат. Но Гэн Ихуаю показалось, что розовый запах на его пальцах куда насыщеннее — кофе и близко не мог его перебить.

Тао Нин уже притёрся к нему:

— Так что там с этим маленьким ёкаем? Ты что, нашёл себе пару? Значит, у тебя могут быть дети? Значит, твоя истинная драконья кровь получит наследника? Значит, мне больше не будут мозолить нервы эти старые пни? Значит, старейшина Лазурной Пичуги перестанет таранить нашу ограду?

Вопросы сыпались один за другим. За стёклами чёрной оправы глаза сияли, как два прожектора, нацеленных на Гэн Ихуая, — словно личная жизнь хозяина дома была для Тао Нина в десять раз важнее собственной. Впрочем, похоже, так оно и было.

Раздражение, которое маленький цветочный ёкай только что развеял, мгновенно нахлынуло обратно. Гэн Ихуай отпил кофе и одним взглядом пригвоздил Тао Нина:

— Заткнись.

Один-единственный взгляд высшего древнего ёкая, несущий убийственный холод, — и с благовоспитанного лица Тао Нина сползла вся учтивость, уступив место откровенному испугу. Впрочем, способность гнуться и выпрямляться была у него феноменальной: секунда — и на

лице снова расцвела улыбка.

— Молчу, молчу! Но последнее: напоминаю — через несколько дней старейшины нагрянут к тебе домой.

Взгляд Гэн Ихуая едва заметно дрогнул, но голос остался ровным:

— Разберёмся.

Янь Цин возвращался домой в истинной форме.

Он и не брал с собой одежды — просидев в саду Гэн Ихуая кустом, кустом же и побежал обратно.

Сначала он взобрался по стене на крышу, повозился немного с цветами и травами на террасе, а когда собрался вернуться в комнату, у самой двери расслышал голоса этажом ниже.

Его сосед по квартире Шэнь Синьши говорил ровно и спокойно:

— Не волнуйтесь, как только Янь Цин вернётся, я сразу ему напомню. Он просто закрутился в последнее время и забыл про аренду. Приношу извинения от его имени...

Хозяин квартиры был явно недоволен:

— И давно он «забывает»? Сколько раз приходил — его нет и нет! Конец месяца — последний срок. Не заплатит — пускай выметается.

— Я передам.

Хозяин побурчал ещё немного и нехотя ушёл.

Янь Цин юркнул в комнату, перекинулся в человеческий облик, оделся и выскочил в коридор:

— Шэнь-гэ!

Шэнь Синьши было далеко за двадцать, по паспорту он был значительно старше Янь Цина, и тот всегда звал его «братом».

Шэнь Синьши удивился, увидев его выходящим из комнаты:

— Ты дома? Впрочем, правильно, что не вышел. Хозяин приходил за арендой — ты собрал нужную сумму?

Если он правильно помнил, Янь Цин жаловался на безденежье ещё несколько недель назад.

Конечно, Янь Цин не собрал.

Сценаристы в основном живут с проектных гонораров — три года без заказов, зато один заказ кормит три года. Студия «Фэннянь» давно не подкидывала ему работы; за последнее время он не только не накопил — но ещё и уволился.

— Нет. Я сегодня уволился, — Янь Цин покачал головой. Тень огорчения промелькнула и тут же спряталась за улыбкой. — Но завтра с утра начну искать новую работу — как-нибудь наскребу!

Найти подработку нетрудно: официант, раздатчик листовок, продавец-консультант — в человеческом обществе вечно не хватает людей на такие должности. Он может пока делать это, параллельно оттачивая мастерство на собственном сценарии и подыскивая сценарную работу. В конце концов, ему не обязательно спать каждый день — как-нибудь протянет.

Всяко лучше, чем торчать корнями в земле и бездельничать.

Шэнь Синьши давно уже тёрся в этом мире и не отличался любопытством к чужим делам. Расспрашивать не стал — только вздохнул:

— Уволился? Конец месяца на носу, аренда — тысяча. Сколько у тебя сейчас? Я могу одолжить.

Янь Цин моргнул, честно прикинул остаток на счету и ответил:

— Несколько сотен, наверное. Если совсем прижмёт — попрошу помощи у Шэнь-гэ. Спасибо.

Шэнь Синьши помолчал и всё-таки не удержался:

— Почему ты уволился?

— Не сошёлся с начальством во взглядах.

— Надо сначала найти новое место — и только потом увольняться, — он вздохнул. — Иначе потери слишком велики.

Янь Цин виновато улыбнулся:

— Знаю. Погорячился. Теперь остаётся только усердно искать новую работу! — Он понимал, что поступил импульсивно. Но ни капли не жалел об этом порыве.

Видя его решимость, Шэнь Синьши кивнул на лестницу, ведущую на террасу:

— Продай ты всю эту свою оранжерею — хватит, чтобы продержаться какое-то время.

Шэнь Синьши работал финансовым консультантом. Его клиентами были сплошь состоятельные люди; сам он богачом не был, но кое-что о дорогих вещах знал. Среди цветов и трав, которые Янь Цин выращивал на террасе, попадались явно ценные экземпляры.

Янь Цин, не раздумывая ни секунды, помотал головой:

— Шэнь-гэ, спасибо за совет, но их я продать не могу.

У каждого свои привязанности — Шэнь Синьши решил, что Янь Цин просто увлечённый цветовод, и настаивать не стал.

— Тогда, если будет совсем туго, стучи ко мне в комнату.

— Обязательно. Спасибо, — Янь Цин повторил «спасибо» несколько раз.

Он был искренне тронут добротой Шэнь Синьши. Тот хоть и старше, но сам копил на квартиру и выплачивал автокредит — ему приходилось не легче.

Обменявшись ещё парой фраз, Янь Цин вернулся к себе.

На письменном столе тихо лежал блокнот с набросками по древней мифологии. Настольная лампа отбрасывала мертвенно-белый свет, и кофейная обложка поблёскивала.

Завтра с рассветом — искать работу. А сегодня ночью можно продолжить шлифовать концепцию. Он вполне способен в одиночку, не спеша, написать полноценный сценарий.

Янь Цин глубоко вдохнул, отбросил все лишние мысли, взял перьевую ручку бледными длинными пальцами и начал ровным, летящим почерком выводить на бумаге слово за словом.

Глубокая ночь. Снег только-только растаял, а с чёрного неба снова посыпались снежинки.

Даже при тусклом свете уличного фонаря — вкупе с настольной лампой — Янь Цин видел через окно густой снегопад. Похоже, будет настоящая метель.

После неё маленькая слива на террасе наверняка зацветёт, правда?

Вот и хорошо.

Он улыбнулся, и на макушке непроизвольно проклюнулась маленькая веточка, покачиваясь из стороны в сторону. Нежно-зелёные листочки мерно колыхались, а бутон на самом кончике наливался алым.

Зазвонил редко используемый телефон.

Янь Цин глянул на экран — Чжан Сюнь.

— Алло, Чжан Сюнь?

Голос Чжан Сюня звучал непривычно — без обычной бесшабашности. Янь Цин даже уловил в нём нотку серьёзности.

— Янь Цин, ты заявление на увольнение подал?

— М? — Янь Цин удивился, веточка на макушке тоже замерла. — Подал, а что?

На том конце повисло молчание, а потом Чжан Сюнь заговорил — отдельно и серьёзно:

— Концепция по мифологии Северо-западного моря — это ведь твоя идея?

Чжан Сюнь обычно был человеком без задних мыслей, вечно хохочущим, — и эта внезапная серьёзность отозвалась в Янь Цине нехорошим предчувствием. Он посерьёзnel, пригладил ладонью веточку на макушке и ответил:

— Моя.

Он как-то упоминал об этом Чжан Сюню — ничего удивительного, что тот в курсе.

— Я тайком выскочил, чтобы тебе позвонить. Сегодня шеф внезапно объявил экстренную сверхурочную — срочно работаем над новым сценарием. Говорит, хочет ещё раз попробовать выйти на тот крупный проект. И концепция нового сценария — мифология Северо-западного моря.

На мгновение в голове Янь Цина стало пусто. Затем сердце ухнуло вниз.

— Про Чжулуна из Северо-западного моря?

— Точно, твоя идея! — Чжан Сюнь, похоже, разволновался, голос скакнул вверх. — Шеф у тебя её выкупил?

Не выкупил.

Янь Цин отчётливо помнил: Чжун Фэнхэ от начала до конца сомневался в его авторстве и так и не собрался ни подписать с ним договор на эту историю, ни назначить его ведущим сценаристом.

За окном снег повалил гуще.

Поговорив с Чжан Сюнем, Янь Цин мгновенно накинул стёганую куртку, влез в тяжёлые зимние ботинки и зашагал сквозь метель.

С того дня, как начался сезон опыления и случилось... непредвиденное с Гэн Ихуаем, Янь Цин замечал, что его тело ощутимо изменилось — он становился всё чувствительнее к температуре.

Он шёл против ветра, поёжился от холода и непроизвольно направил слабенькую демоническую энергию, чтобы окутать себя защитой. Шагал он долго, прежде чем вышел к переулку рядом со студией.

Почти во всех окнах горел свет — всё как Чжан Сюнь и говорил: всех вызвали на экстренную сверхурочную.

Вскоре Чжан Сюнь выбежал из здания. Рядом с ним шагал ещё один парень, высокий и худой, — Янь Цин его тоже знал: сценарист Чэнь Цзычжан, устроившийся в студию чуть раньше них.

— Посмотри, — Чжан Сюнь достал из внутреннего кармана пальто пачку листов и протянул Янь Цину. — Шеф, видимо, знает, что мы с тобой в хороших отношениях, — мне досталась часть, по которой ничего не определишь. А вот это — фрагмент, за который отвечает Цзычжан. Он только что показал мне, и тут я понял: что-то не так. Гляни — это один в один твоя концепция или нет?

Чэнь Цзычжан рядом кивнул:

— Я просто пришёл к Чжан Сюню с вопросом по работе, а он говорит — концепция ему знакома...

Янь Цин улыбнулся:

— Спасибо.

Снежинки тут же осели на листы, испещрённые чёрным шрифтом. Пальцы Чжан Сюня мгновенно заледенели. Янь Цин принял пачку, приняв тыльной стороной ладони горсть снежинок.

Он стряхнул с листов мелкий снег и внимательно прочитал от первой строки до последней. Сердце окончательно ушло в пятки — последняя надежда на случайное совпадение растаяла.

— ...Да. Это моя концепция.

<http://bllate.org/book/21883/2279117>